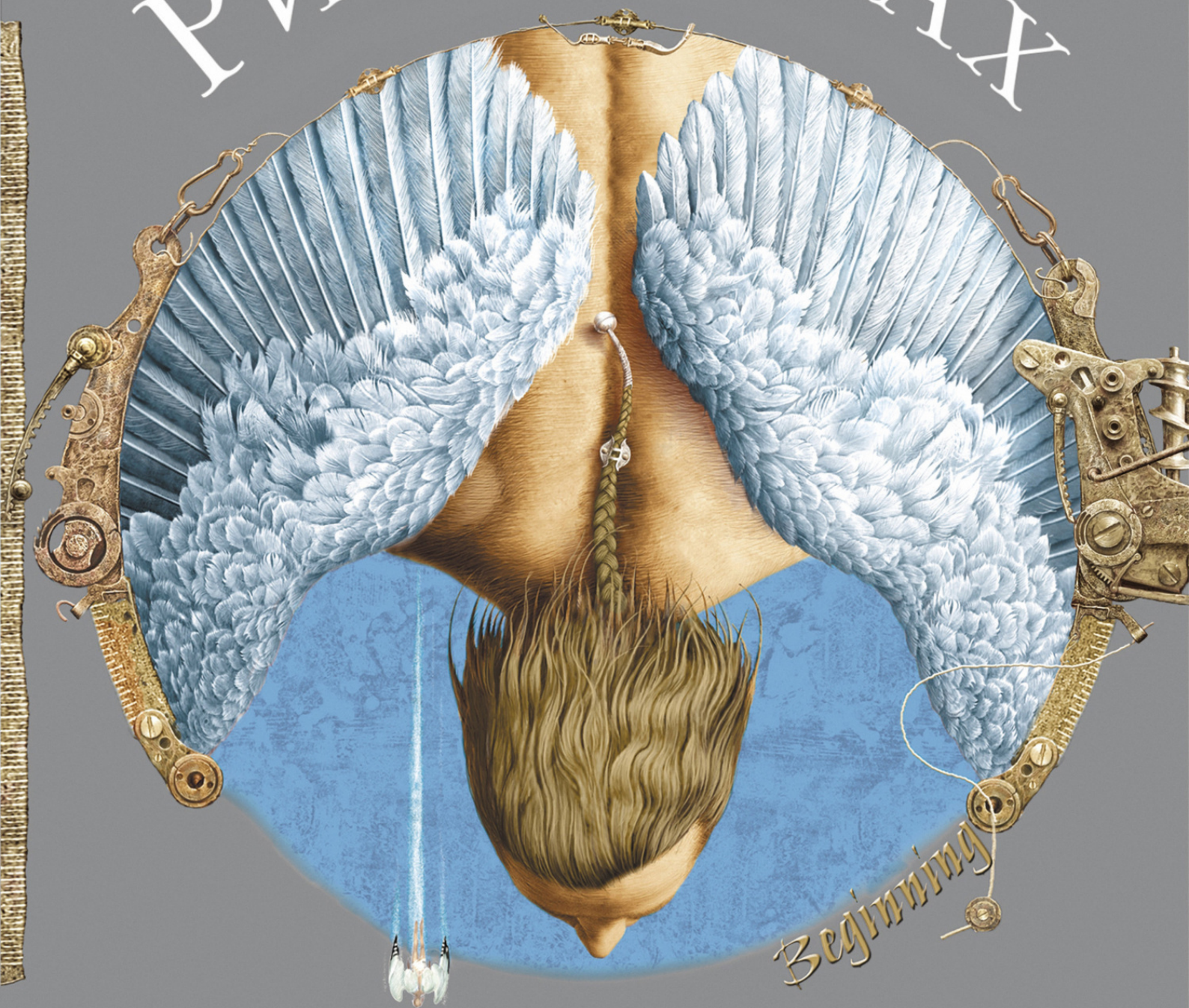

РИЧАРД БАХ

ЧАЙКА ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН

СОФИЯ

Ричард Бах

Чайка Джонатан Ливингстон

«София Медиа»

1970, 1998

Бах Р.

Чайка Джонатан Ливингстон / Р. Бах — «София Медиа», 1970,
1998

ISBN 978-5-399-00632-1

В этом издании впервые – никогда прежде не публиковавшаяся Часть IV и новое Послесловие Ричарда Баха. Это история для тех, кто следует зову своего сердца и устанавливает свои собственные правила... Для тех, кто знает, что в жизни есть нечто большее, чем видят наши глаза. Вы вновь обретете вдохновение, взлетая вместе с Джонатаном выше и быстрее, чем в самых смелых своих мечтах...

ISBN 978-5-399-00632-1

© Бах Р., 1970, 1998
© София Медиа, 1970, 1998

Содержание

Дорогие друзья!	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ричард Бах

Чайка Джонатан Ливингстон

Originally published by Scribner, a division of Simon & Schuster Inc.

Copyright © 1970 by Sabryna A. Bach

Copyright renewed © 1998 by Sabryna A. Bach

New material copyright © 2014 by Sabryna A. Bach

© Владислав Ерко, иллюстрации, 2004, 2014

© ООО Издательство «София», 2014

Дорогие друзья!

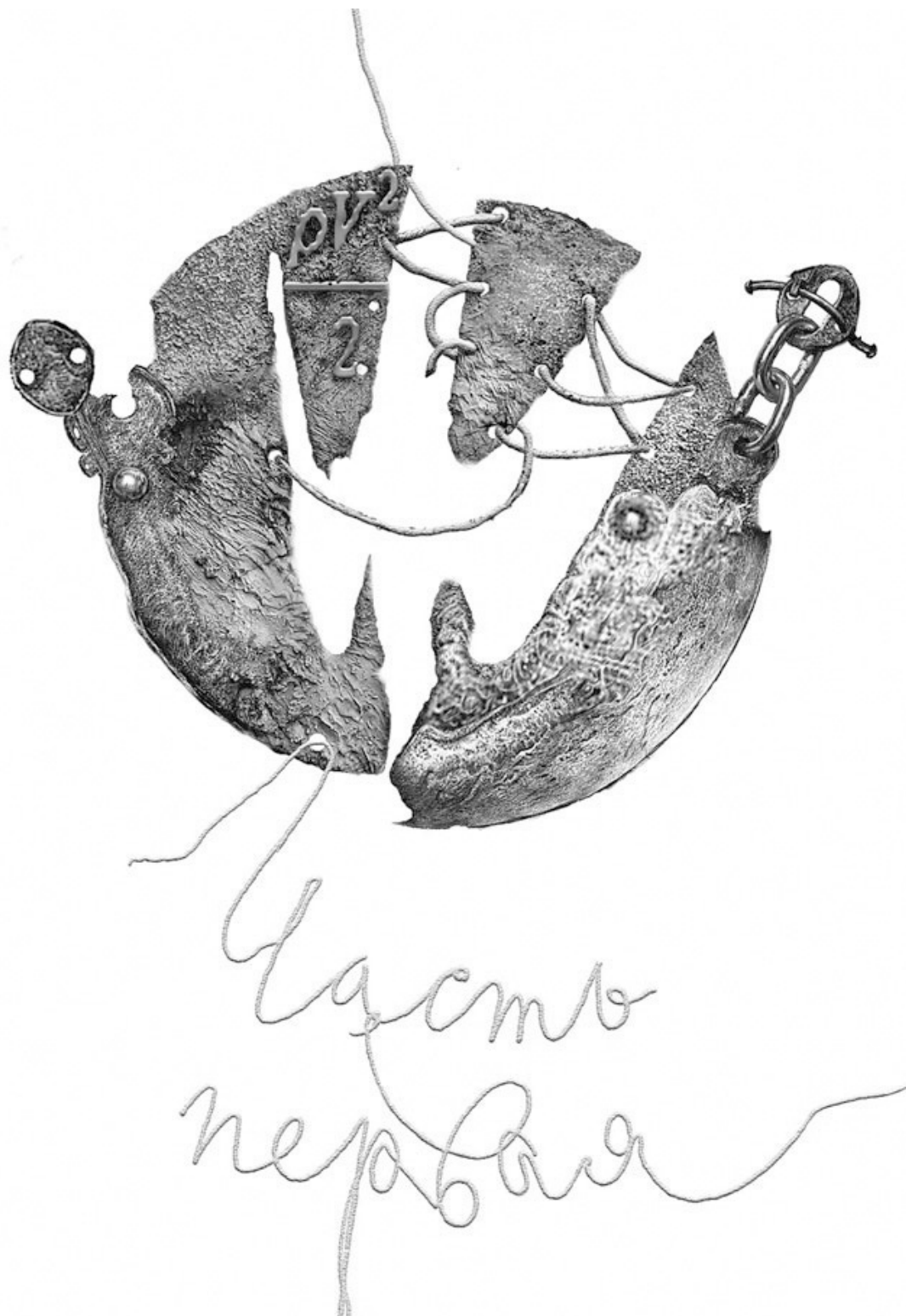
После стольких лет публикации всеми любимой классики мы были очень удивлены, узнав, что у «Чайки» есть продолжение – никогда прежде не публиковавшаяся четвертая часть! С нетерпением ждали текст – и он нас не разочаровал. Итак, с радостью предлагаем вашему вниманию первое полное издание «Чайки Джонатан Ливингстон».

Наслаждайтесь!

Ваша «София»

Часть первая

Истинному Джонатану – Чайке, живущей в каждом из нас...

Было утро, и новое солнце золотом разлилось по испещренной рябью поверхности моря. Рыбацкая лодка в миле от берега. И зов над водой – это сигнал к завтраку. Большой сбор. Снова

и снова раздавался он в воздухе, пока наконец тысячи чаек не слетелись в толпу. И каждая из птиц хитростью и силой пыталась урвать кусок пожирнее. Наступил еще один день – полный забот и суеты.

Но Чайки по имени Джонатан Ливингстон не было в толпе. Он тренировался – вдали от остальных, один, высоко над лодкой и берегом. Поднявшись на сто футов в небо, он опустил перепончатые лапки, поднял клюв и напряженно выгнул крылья, придав им форму жесткой, болезненно изогнутой кривой. Такая форма крыльев должна была, по его мнению, до предела замедлить полет. И Джонатан скользил все медленнее и медленнее. Свист ветра в ушах сменился едва слышным шепотом, и океан застыл внизу неподвижно. Прищурившись в чудовищном сосредоточении, Джонатан задержал дыхание. Еще... на один... единственный... дюйм... круче... эту... кривую... Перья его дрогнули, спутались, он окончательно потерял скорость, опрокинулся и рухнул вниз.

Вам, должно быть, известно – с чайками такое не случается никогда. Чайка не может остановиться в полете, потерять скорость. Это позор, это бесчестье.

Однако Чайка Джонатан Ливингстон не ощущал стыда. Он снова вытянул крылья в жесткую дрожащую кривую – медленнее, медленнее и – опять неудача. И снова, и снова. Ведь он не был обычной птицей.

Большинство чаек не утруждают себя изучением чего-то большего, чем элементарные основы полета. Отлететь от берега на кормежку и вернуться – этого вполне достаточно. Ведь для большинства имеет значение не полет, но только лишь еда. Но для Чайки по имени Джонатан Ливингстон важен был полет. А еда – это так... Потому что больше всего на свете Джонатан любил летать.

Такой подход к жизни, как обнаружил Джонатан, отнюдь не прибавляет популярности в Стае. Даже родители его были обескуражены тем, что он проводит день за днем в одиночестве, экспериментируя и сотни раз повторяя низкие планирующие спуски.

Он, например, не знал почему, но, когда высота полета составляла менее половины размаха его крыльев, он мог держаться в воздухе над водой гораздо дольше и с меньшими усилиями. Джонатан никогда не заканчивал планирующий спуск обычным образом – с размаху плюхаясь брюхом на воду, предварительно растопырив лапы.

Вместо этого он выполнял длинное плоское скольжение, едва касаясь поверхности воды вытянутыми вдоль тела лапами. Когда он начал практиковать скольжение с приземлением на песчаном берегу, каждый раз с прижатыми лапками все дальше и дальше въезжая на песок, его родители перепугались не на шутку.

– Но почему, Джон, почему? – спрашивала мать. – Почему тебе так трудно быть таким, как все? Низко летают пеликаны. И альбатросы. Вот пусть они и планируют себе над водой! Но ты же – чайка! И почему ты совсем не ешь? Взгляни на себя, сынок, – кости да перья!

– Ну и пусть кости да перья. Но я совсем неплохо себя чувствую, мама. Просто мне интересно: что я могу в воздухе, а чего – не могу. Я просто хочу знать.

– Послушай-ка, Джонатан, – вовсе не сердитым тоном говорил ему отец. – Скоро зима, и судов на море поубавится. А рыба, которая обычно живет у поверхности, уйдет вглубь. Так что, уж если тебе настолько необходимо что-нибудь изучать, изучай способы добычи пропитания. А твои летные эксперименты – оно, конечно, замечательно, однако, сам понимаешь, планирующим спуском сыт не будешь. Ты летаешь для того, чтобы есть. И не стоит об этом забывать.

Джонатан послушно кивал. И в течение нескольких дней пытался сделать так, чтобы поведение его не отличалось от поведения всех остальных чаек. Причем пытался честно, настоящему принимая участие в игре и возне, которые устраивала Стая в борьбе за рыбы потроха и корки хлеба вокруг рыбацких судов и причалов. Но выработать в себе серьезное ко всему этому отношение Джонатану так и не удалось.

– Нелепость какая-то, – размышлял он, намеренно роняя завоеванную в тяжелой борьбе добычу.

Старая голодная чайка, которая гналась за Джонатаном, подхватывала брошенный кусок. Джонатан подумал:

– Все это время я мог бы потратить на изучение полета. Ведь еще столько всего предстоит узнать!

И потому вскоре Чайка Джонатан снова оказался в море – он учился в одиночестве, голодный и счастливый.

На этот раз объектом исследования была скорость, и за неделю практики Джонатан узнал о скорости полета больше, чем самая быстрая чайка постигает за всю жизнь.

Отчаянно работая крыльями, он забрался на высоту в тысячу футов и оттуда бросился в крутое пики, несясь вниз навстречу волнам. И тут же понял, почему чайки никогда не пикируют, работая крыльями. Всего за каких-то шесть секунд он набрал скорость в семьдесят миль в час – предел, при котором крыло в момент взмаха теряет устойчивость в набегающем потоке.

Он пытался снова и снова. Он работал на пределе своих возможностей. Он был внимателен и осторожен. Но снова и снова терял управление на высокой скорости.

Подъем на тысячу футов. Горизонтальный разгон в полную силу, затем – работая крыльями – вниз – вертикальное пики. А потом – и это происходило каждый раз – левое крыло не выдерживало. Набегающий поток срывался. Джонатана резко бросало влево, поток срывался и с правого, более устойчивого крыла, и, трепеща подобно пламени на ветру, Джонатан проваливался в немыслимый правосторонний штопор.

Ему явно не хватало точности в обращении со встречным потоком воздуха. Десять раз он пробовал, и все десять раз, едва миновав границу скорости в семьдесят миль в час, терял управление и комком спутанных перьев обрушивался в воду.

В конце концов, когда Джонатан уже промок до последнего перышка, ему в голову пришла мысль: ключ, должно быть, в том, чтобы вовремя прекратить работать крыльями – разогнаться до пятидесяти миль и зафиксировать крылья неподвижно.

Джонатан попробовал еще раз, поднявшись теперь уже на высоту в две тысячи футов. Он разогнался и ринулся прямо вниз, замерев с расправленными крыльями, едва лишь была пройдена пятидесятимильная отметка скорости. Это потребовало от него невероятных усилий, но прием сработал. Через десять секунд после выхода в пики Джонатан преодолел девяностомильную отметку. Мировой рекорд для чаек!

Но радость победы, как и сама победа, оказалась недолгой. Стоило Джонатану попытаться изменить угол атаки крыла для выхода из пики, как его немедленно швырнуло во все тот же катастрофически неконтролируемый штопор. А на скорости в девяносто миль в час это было похоже на взрыв динамитного заряда. Джонатан рухнул вниз, и поверхность океана твердостью была подобна кирпичной мостовой.

* * *

Когда сознание вернулось к Джонатану, было уже совсем темно и он плавал на поверхности моря, мерцавшей в лунном свете. Измочаленные крылья были словно налиты свинцом. Но еще сильнее давила на него тяжесть жестокого поражения. Джонатан питал слабую надежду на то, что навалившийся на его плечи груз окажется достаточным и ненавязчиво увлечет его вниз, ко дну. И со всем этим наконец будет покончено.

Джонатан погрузился глубже в воду, и вдруг где-то внутри него зазвучали глухие раскаты странного голоса:

«Ерунда все это. Я – чайка. Ограниченность – мой удел. Если бы моим предназначением была скорость и столь глубокое постижение искусства полета, тело мое от рождения обладало

бы соответствующими особыми свойствами, и тогда ум естественным образом работал бы в нужном направлении. Для скорости полета требуются короткие крылья сокола, а их у меня нет. И питаюсь я холодной рыбой, а не мышами. Прав был отец. Нужно оставить всю эту чушь. Нужно вернуться домой – в Стаю – и быть довольным тем, что я есть. Ибо я – всего лишь жалкая чайка, возможности мои ограничены, и я должен с этим смириться».

Голос умолк. Джонатан был согласен. Ночью место чайки – на берегу. И он дал себе клятву, что с этого самого мгновения он становится нормальной чайкой. Так будет лучше для всех.

Джонатан устало оттолкнулся от поверхности воды и полетел по направлению к земле, благодаря судьбу за то, что успел раньше узнать об экономном режиме полета на малых высотах.

– Ну нет, – подумал он, – с этим покончено раз и навсегда. И мне нет никакого дела до того, что я знаю. Чайка есть чайка, я – такой же, как все. И летать буду тоже как все.

И Джонатан, преодолевая боль, вскарабкался на стофутовую высоту. Усердно размахивая крыльями, он устремился к берегу.

Он почувствовал облегчение, приняв решение быть одним из Стаи. Ведь тем самым он разрывал свою связь с Силой, заставляющей его искать знание. Таким образом он избавлялся и от борьбы, и от поражения. Было так приятно просто прекратить думать и молча лететь во тьме к огням, мерцавшим вдали над пляжем.

– Темно! – встревоженно расколол тишину утробный голос. – Чайки во тьме не летают! Никогда!

Джонатан почему-то не обратил на голос никакого внимания. Ему было не до того.

– Как хорошо! – подумал он. – Луна, береговые огни, дорожки бликов на мерцающей поверхности воды... Тишина, покой... Хорошо!

– Вниз немедленно! Чайки никогда не летают во тьме! Для этого необходимы врожденные особые свойства! Глаза совы! Короткие соколиные крылья!

И там, в ночи, на высоте ста футов Джонатана вдруг осенило. И вся его боль, и все его окончательные решения – все разом испарилось, словно никогда и не существовало.

– Ну да – короткие крылья... Короткое соколиное крыло! Вот он – ответ! Надо же быть таким идиотом... Ведь нужно всего-навсего укоротить крыло! Сложить, оставив расправленным только самый кончик. И получатся короткие крылья!

Забыв обо всем, не думая ни о смерти, ни о поражении, Джонатан тут же поднялся на две тысячи футов над черным ночным морем, плотно прижал к телу широкие части крыльев, расправив в набегающем потоке лишь стреловидные заостренные концы, и нырнул в вертикальное пике.

Чудовищный рев ветра в голове... Семьдесят миль в час, девяносто, сто двадцать... И по-прежнему – с ускорением! Сто сорок миль в час, а напряжение неизмеримо меньше, чем было при расправленных крыльях на скорости всего в семьдесят. И, слегка изменив угол атаки кончиков крыльев, Джонатан с легкостью вышел из пике. Подобно серому пушечному ядру, он несся сквозь пространство лунного света над поверхностью океана.

Джонатан прищурился. Глаза его превратились в узкие щелки. Он был доволен. Сто сорок миль в час! И – полный контроль! А если подняться не на две, а на пять тысяч футов... Интересно, какую скорость...

Клятва, которую он дал себе за несколько минут до этого, была забыта, унесена прочь бешеным ветром. Джонатан нарушил обещание, однако вины за собой не ощущал. Подобного рода клятвы что-то значат для тех, кто приемлет обыденность. Тому же, кто в познании своем коснулся чего-либо исключительного, нет дела до таких обещаний.

Когда взошло солнце, Джонатан тренировался. С пяти тысяч футов рыболовецкие суда казались брошенными на воду щепками, а завтракающая Стая – едва заметным облачком кружащей пыли.

Джонатан ощущал, что живет; он слегка дрожал от радостного чувства удовлетворения и гордился тем, что покорил свой страх. Без долгих приготовлений он сложил предкрылья, расправил короткие острые концы крыльев и нырнул вниз, к поверхности моря. К тому моменту, когда была пройдена высота в четыре тысячи футов, он набрал максимальную скорость. Встречный поток превратился в плотную твердую стену звука, прорваться сквозь которую не представлялось никакой возможности. Это был предел, двигаться быстрее Джонатан не мог, он несся вертикально вниз со скоростью в двести четырнадцать миль в час. Он в напряжении сглотнул слюну, зная, что расправь он на такой высоте крылья – и его не станет, но лишь миллион мельчайших клочков разорванной взрывом чайки достигнет поверхности океана. Однако в скорости была Сила, и радость, и чистая красота.

Выходить из пике Джонатан начал с высоты в тысячу футов. Концы крыльев с гудением дрожали в бешеном набегавшем потоке, судно и толпа чаек металась перед глазами и росла со скоростью метеора, и они находились прямо на его пути.

Остановиться Джонатан не мог, свернуть в сторону – тоже. Он просто не имел ни малейшего понятия о том, как это делается на такой скорости.

Любое же столкновение означало мгновенную смерть.

И он закрыл глаза.

И тогда, в то утро, сразу после восхода солнца, вышло так, что Чайка Джонатан Ливингстон ворвался в самую середину охотившейся за пищей Стаи. На скорости в двести двенадцать миль в час он со свистом пронесся сквозь Стаю – глаза закрыты – этаким снаряд из перьев и ветра. И только потому, что Чайка Удачи улыбнулась ему в этот раз, никто не погиб.

Когда выход из пике был закончен и клюв его снова оказался направлен в небо, Джонатан по-прежнему мчался вперед, и скорость его полета составляла шестьдесят миль в час. А когда она уменьшилась до двадцати и он смог наконец полностью расправить крылья, судно с высоты четырех тысяч футов опять казалось ему брошенной на воду щепкой.

Это был триумф. Он понимал это. Предел скорости! Двести четырнадцать миль в час! Величайшее мгновение в истории Стаи – истинный прорыв. А для Чайки Джонатана Ливингстона этот миг означал начало новой эпохи.

И он направился к тому месту, где обычно практиковался в полетах. А когда на высоте восьми тысяч футов он сложил крылья для вертикального пике, целью его было освоение скоростного поворота.

Он установил, что при смещении на долю дюйма одного-единственного пера на самом кончике крыла тело на огромной скорости описывает плавную криволинейную траекторию. Но прежде, чем Джонатан это понял, он обнаружил другое – смещение более чем одного пера на такой скорости заставляет тело вращаться вокруг продольной оси подобно винтовочной пуле... Так Джонатан стал первой на земле чайкой, постигшей основы искусства высшего пилотажа.

В тот день у него не нашлось свободного времени на общение с другими чайками. Он тренировался, пока не зашло солнце. Он открыл мертвую петлю, полубочку, бочку, горку, вертикальное колесо.

* * *

Когда Джонатан присоединился к Стае, отдохавшей на пляже, была уже глубокая ночь. Он ужасно устал, кружилась голова, однако он был доволен и, прежде чем приземлиться, описал широкий круг над пляжем, а перед самым касанием земли молниеносно выполнил один полный оборот бочки. Когда он расскажет им обо всем, когда они узнают о Прорыве, они будут

вне себя от радости, размышлял Джонатан. Насколько богаче теперь станет жизнь! Ведь если прежде вся она проходила в унылой суете: берег – судно – берег, – то сейчас в ней появится смысл!

У нас есть возможность выкарабкаться из неведения, нам надо осознать собственную исключительность и разумность. Мы способны обрести свободу. *И мы можем научиться летать!*

Впереди открывались годы радостного бытия, головокружительные возможности и перспективы звучали на все лады и переливались радужным сиянием.

Приземлившись, Джонатан обнаружил, что попал на общее собрание Стаи. Причем, судя по всему, мероприятие началось отнюдь не только что. Более того, Джонатана определенно ждали.

– Чайка Джонатан Ливингстон! – Старейшина произнес эти слова таким тоном, каким говорил только в особо торжественных случаях. – Ты вызываешься в Круг!

Вызов в Круг означал либо всеобщее порицание и величайший позор, либо величайшую честь и всеобщее признание.

– Понятно, – подумал Джонатан, – это по поводу того, что случилось утром во время завтрака. Они видели Прорыв! Однако почести мне ни к чему. И в лидеры – тоже не хочу. Мне, пожалуй, только хотелось бы поделиться своими находками, показать всем необозримые возможности, открытые каждому из нас.

И он сделал шаг в Круг.

– Чайка Джонатан Ливингстон! – продолжал Председатель. – Изволь войти в Круг и подвергнуться порицанию, свидетелями которого надлежит стать всем твоим собратьям по Стае.

Это прозвучало подобно грому среди ясного неба. Джонатан вдруг почувствовал себя так, словно его огрели доской по голове. Колени подкосились, перья враз обвисли, в ушах возник невообразимый шум. Позор? В Круг – на порицание?! Но это невозможно! Ведь это Прорыв! Они чего-то не поняли! Тут определенно закралась какая-то ошибка! Ну да, они ошибаются, они явно не правы!

– ...ибо величайшего позора заслуживают проявленные тобой беспечность и безответственность, равно как и попрание достойных традиций добропорядочного Семейства Чаек...

Порицание на общем собрании. За этим неминуемо следует изгнание из сообщества чаек. Отлучение от Стаи и ссылка в Дальние Скалы, где уделом изгнанника становится полное одиночество.

– ...И ты – Чайка Джонатан Ливингстон – однажды поймешь, сколь неблагоприятной вещью является безответственность. Нам не дано постигнуть смысл жизни. Очевидно же в ней лишь одно: в этот мир мы приходим для того, чтобы питаться и за счет этого как можно дольше в нем существовать...

Тому, кто вызван в Круг, запрещено вступать в дискуссию с общим собранием Стаи, но Джонатан сдержаться не мог.

– Безответственность?! – воскликнул он. – Да что вы, братья?! Какая же тут безответственность – понять, в чем смысл жизни, и открыть пути достижения высшей цели бытия? Скорее наоборот – посвятивший себя этому как раз и проявляет максимум ответственности. Ведь что мы знали до сих пор – тысячелетия свар из-за рыбьих голов... Теперь у нас появилась возможность понять первопричину – постичь, ради чего мы живем. Открытие, осознание, освобождение! Дайте же мне один-единственный шанс, позвольте показать вам то, что я нашел...

С таким же успехом Джонатан мог взывать к каменной стене.

– Какие мы тебе братья, отступник?! – был ответ, и, словно по команде, все церемонно обратились к нему хвостами, предварительно поплотнее зажав уши.

* * *

Остаток своих дней Чайка Джонатан Ливингстон провел в одиночестве, однако отнюдь не в Дальних Скалах, ибо он улетел гораздо дальше. И единственным, что несколько угнетало его, было не одиночество, но отказ остальных чаек поверить в славу полета, их ожидавшую. Они отказались открыть глаза и увидеть!

С каждым днем знание, которым обладал Джонатан, росло. Он обнаружил, что благодаря скоростному пику можно добывать редкую и очень вкусную рыбу, ходившую стаями на глубине десяти футов. Теперь он не был больше привязан к таким, казалось бы, жизненно необходимым вещам, как рыболовецкие суда и размокшие корки заплесневелого хлеба.

Он также научился спать на лету, не сбиваясь с курса. Это позволило ему использовать дующий с берега ночной бриз, от заката до восхода преодолевая расстояние в сотню миль.

Тот же принцип внутреннего контроля Джонатан применял и для полетов сквозь густой морской туман, постепенно поднимаясь над которым он достигал сияющего неба... в то самое время, когда все без исключения остальные чайки сидели на земле и уделом их были только дождь и промозглая мгла. А на высотных ветрах Джонатан залетал далеко вглубь материка, где обитали сухопутные насекомые – самое настоящее лакомство.

В одиночестве наслаждался он плодами того, что некогда намеревался подарить всей Стае. Он научился летать и не сожалел о той цене, которую ему пришлось заплатить.

Серая скука, и страх, и злоба – вот причины того, что жизнь столь коротка. Осознав это, Джонатан избавил свои мысли от скуки, страха и злобы, и жил очень долго, и был по-настоящему счастлив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.